

**«Я имел связь с группой террористов»:
проблема причастности Б.В. Савинкова
к покушению на В.И. Ленина
30 августа 1918 г.**

Константин Морозов

**«I had a connection with a group of terrorists»:
the problem of about B.V. Savinkov's involvement
in the assassination attempt on V.I. Lenin
(August 30, 1918)**

Konstantin Morozov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870009256-2

Тема покушения на Ленина 30 августа 1918 г. по-прежнему актуальна. К старым версиям добавляются новые — от официальных обвинений 1918 и 1922 гг. в покушении ЦК партии социалистов-революционеров (ПСР), якобы давшего санкцию на совершение своей боевой структурой партийного акта, до утверждений о непричастности партии к нему; от отрицания того, что стреляла Ф.Е. Каплан, и утверждений о полной фальсификации её причастности до версий о «кремлёвском заговоре»; от причастности английских дипломатов и спецслужб до инсценировки покушения самими большевиками¹.

© 2020 г. К.Н. Морозов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 16-01-00235.

¹ См.: Орлов Б. Миф о Фанни Каплан // *Время и мы* (Тель-Авив). 1975. № 2. С. 153—163; 1976. № 3; *Lyandres S.* The 1918 attempt on the life of Lenin: a new look at the evidence // *Slavic Review*. 1989. Vol. 48. Issue 3. P. 432—448; *Костин Н.Д.* Суд над террором. М., 1990; Орлов Б. Миф о Фанни Каплан // *Источник*. 1993. № 2; *Войнов В.* Отравленные пули // *Комсомольская правда*. 1990. 29 августа; *Данилов Е.* Три выстрела в Ленина, или За что казнили Фанни Каплан // *Нева*. 1992. № 5/6. С. 306—324; *Данилов Е.* Тайна выстрелов Фанни Каплан (Свидетельства и документы о покушении на Ленина) // *Звезда Востока*. 1991. № 1. С. 113—130; *Сударушкин Б.М.* Фанни Каплан: «Я стреляла в Ленина». Рыбинск, 1990; *Сударушкин Б.* Так кто же стрелял в Ленина? Материалы к размышлению // *Русь*. 1993. № 10. С. 9—32; *Сударушкин Б.* Кто заказал покушение на Ленина? (URL: <http://sudar-bm.narod.ru/main/page8.htm>); *Литвин А.Л.* Кто стрелял в Ленина? // *Megapolis—Continent* (М.). 1991. 30 мая; Фанни Каплан, или Кто стрелял в Ленина? Сборник документов / Сост. В.К. Виноградов, А.А. Краюшкин, В.И. Крылов, А.Л. Литвин. Казань, 1995; Изд. 2. М., 2003; *Литвин А.Л.* В Ленина «стрелял» Дзержинский? // *Родина*. 1995. № 7. С. 58—60; *Литвин А.Л.* Азеф второй // *Родина*. 1999. № 9. С. 80—84; *Фельштинский Ю.* Ленин и Свердлов — кто кого? // *Наука*. Еженедельная газета научного сообщества ТССР. 1991. 14 апреля; *Фельштинский Ю.* Ленин. Страницы биографии // *Русская мысль*. 1995. 3—9 августа; *Фельштинский Ю.Г.* Вожди в законе. М., 1999; *Smith S.B.* Who shot Lenin? // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. NF. 46. 1998. S. 100—119; *Smith S.B.* Captives of Revolution: the Socialist Revolutionaries and the Bolshevik dictatorship, 1918—1923. Pittsburgh, 2011; *Журавлёв С.В.* Человек революционной эпохи: судьба эсера-террориста Г.И. Семёнова (1891—1937) // *Отечественная история*. 2000. № 3. С. 87—105; *Тополянский В.* Необыкновенная террористка. Миф и правда о Ф. Каплан // *Новое время*. 1998. № 35. С. 34—37; *Сервис Р.* Ленин / Пер. с англ. Г.И. Левитан. Минск, 2002; *Назаров Г.* Новое прочтение дела Фанни Каплан // *Чудеса и приключения*. 1995. № 9; и др.

К теме террора против лидеров РКП(б) я впервые обратился в 1996 г., в ходе подготовки сборника документов, посвящённого судебному процессу над эсерами 1922 г., на котором эта тема явилась одним из центральных пунктов обвинения. В комментариях к документам и в предисловии мной проанализирован ряд аспектов покушения на Ленина, проблемы статуса боевой группы Г.И. Семёнова, возможной роли и места Каплан, подвергнута критике версия «кремлёвского заговора» и сформулирован ряд версий и выводов, развитых в следующих работах. В ходе исследований большая часть предположений и выводов подтвердилась, остальные подверглись пересмотру. Результаты работы изложены в публикациях, посвящённых ключевым проблемам этой многогранной темы².

Задача данной статьи — выяснить границы и формы возможной причастности Б.В. Савинкова к покушению на Ленина 30 августа 1918 г., характер его взаимоотношений с Семёновым в 1918—1920 гг. Я коснусь и причин того, почему его утверждения (сделанные в 1919 и 1920 гг.) о том, что покушения на Ленина и Троцкого являлись частью плана «Союза защиты родины и свободы», были проигнорированы властями на процессе 1922 г. и недостаточно исследованы на предварительном следствии и в ходе процесса над самим Савинковым в августе 1924 г. Отмечу, что эти сюжеты — лишь часть общего полотна, и для их понимания необходимо увидеть картину в целом (включая и проблему причастности ЦК ПСР, партийного или индивидуального характера покушения Каплан на Ленина, её роли в этих событиях, степени правдивости свидетельств Г.И. Семёнова, Л.И. Коноплёвой, Д.Д. Донского и др.). Ограниченный объём статьи вынуждает привести лишь результаты исследований, за подробностями же отсылаю читателей к указанным статьям.

В руководстве ПСР единодушие по вопросу о терроре достигнуть не удалось. Небольшая часть лидеров и функционеров хотела вернуться к дореволюционной трактовке места террора в её тактике и предприняла две попытки в этом направлении. Первая имела место на IV съезде партии (ноябрь—декабрь 1917 г.), где тверской делегат М.Г. Большаков заявил: «Если бы в первые дни большевистского переворота, т.е. начиная с 25-го, партия применила бы террор, она стёрла бы с лица земли этих авантюристов и мошенников»³. В ходе дискуссии большинство делегатов отказалось рассматривать террор как метод ведения политической борьбы. Тем не менее резолюция признала принципиально допустимым использование против большевиков «всех мер, доступных партии», для «защиты чести и достоинства партии и неприкосновенности своих членов» — включая террор⁴.

---

² Морозов К.Н. Ф.Е. Каплан и покушение на В.И. Ленина 30 августа 1918 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2018. № 3. С. 95—114; Морозов К.Н. «Я не Шарлотта Корде, но жить без действия надоело»: новые свидетельства и штрихи к портрету и биографии Фанни Ефимовны Каплан // Петербургский исторический журнал. 2018. № 3. С. 345—361; Морозов К.Н. Покушение на В.И. Ленина 30 августа 1918 г.: проблемы характера и причастности // Россия в годы гражданской войны, 1917—1922: Власть и общество по обе стороны фронта. Материалы международной научной конференции (Москва, 1—3 октября 2018 г.). М., 2018. С. 154—160; Морозов К.Н. «Это так не было»: дискуссии о терроре и отношении к нему в эсеровской партии в годы гражданской войны // Идеи и идеалы. Т. 11. 2019. № 1. Ч. 2. С. 327—355.

³ ЦА ФСБ РФ, ф. Н-1789, т. 69, л. 542.

⁴ Я использовал хранящиеся в фонде судебного процесса с.-р. 1922 г. (ЦА ФСБ РФ, ф. Н-1789, т. 69) стенограммы IV съезда ПСР, которые были подготовлены к печати, но света так и не увидели.

Были созданы рабочие боевые дружины, призванные охранять митинги, демонстрации, партийные структуры, издательства и т.д. Позже, в мае 1918 г., с теми же целями возникла боевая группа, созданная членом Военной организации ПСР Семёновым из петроградских дружинников. Однако решения и объявления ЦК партии о её организации не последовало, статус нигде не закреплялся, «учредительного собрания» не состоялось и устав не принимался⁵. В брошюре «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров» за 1918 г., которая стала основой обвинения на процессе 1922 г., Семёнов назвал эту группу «Центральным боевым летучим отрядом при ЦК ПСР». Она якобы была создана решением ЦК и получила от него санкции на покушения на В. Володарского, В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого и других большевистских лидеров.

Вторая попытка оказалась предпринята на пленуме ЦК в феврале 1918 г., когда сторонники террора вынесли на обсуждение вопрос о переходе к нему в связи с сообщением местной организации о бесчинствах на Украине В.А. Антонова-Овсеенко⁶. После дискуссии была принята резолюция, текст которой не сохранился. По свидетельству А.Р. Гоца, «формулировка была дана такая растяжимая и каучуковая, что отвергая по существу террор, она не связывала рук и меньшинству, стоящему на точке зрения террора»⁷. Тимофеев вспоминал, что на втором заседании «была такая формулировка: в настоящей социальной обстановке вопрос о терроре не может ставиться по целому ряду мотивов... в настоящий момент ставится в порядок дня не борьба с отдельными эксцессами, не борьба с отдельными лицами, а нарушение всей системы насилия, которую знаменует собой Советская власть. Этот момент звучал чётко и отчётливо, и поэтому отдельное конкретное предложение аннулируется. Но сверх того были и другие мотивы, точно формулировать их я не берусь»⁸.

После захвата большевиками власти и разгона ими Учредительного собрания многие эсеры обращались в ЦК своей партии с просьбой санкционировать партийный террористический акт (с правом на допросе объявить его совершённым по поручению партии и назвать себя её членом), что неизменно отвергалось. Среди них была и Ф.Е. Каплан, которая весной 1918 г. приехала в Москву из Крыма и обратилась с просьбой разрешить ей покушение на Ленина. Об этом сохранились многочисленные воспоминания её бывших товарищей по партии (В.М. Зензинова, В.К. Вольского, К.С. Буревоего и др.). После этого она по традиции эсеров дореволюционной эпохи решила на индивидуальный теракт (с выходом из партии, от своего имени и под свою ответственность). Исследования позволяют утверждать, что она получила разрешение (незапрещение) именно на него на встрече с Семёновым и членом ЦК ПСР и его Московского бюро Д.Д. Донским во второй половине августа 1918 г. Поскольку эсеровская традиция допускала, что индивидуальный характер акта не исключает содействия тех или иных членов партии, Семёнов и его группа должны были оказать Каплан организационную помощь. Но её размер

Вместо них появился «Краткий отчёт о работах Четвёртого съезда партии социалистов-революционеров (26 ноября — 5 декабря 1917 года)» (Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. — 1925 г. М., 2000). Их сравнение даёт ценный материал для анализа.

⁵ ЦА ФСБ РФ, ф. Н-1789, т. 32, л. 21—22.

⁶ Там же, т. 31, л. 150—152, л. 167—168, 169—171 и др.

⁷ Там же, т. 95, л. 67—68.

⁸ Там же, т. 31, л. 175—176.

и формы Донской не оговорил, что открывало возможности для злоупотреблений и выхода далеко за рамки «помощи».

Следует особо подчеркнуть, что большинство как членов ЦК, так и рядовых эсеров не знало ни о намерении Каплан, ни о том, что группа Семёнова на свой страх и риск занимается подготовкой террористических актов. Поэтому отказ партии от причастности к покушениям воспринимался как естественный и единственно возможный. Фактически имел место обман единомышленников отдельными сторонниками террора. Поэтому, по более поздним свидетельствам Гоца, накануне процесса 1922 г. «руководящей пятёркой» первой группы обвиняемых («нераскаившихся», в отличие от второй группы — тех, кто пошёл на сотрудничество с властями: Семёнова, Коноплёвой и рядовых боевиков) и было принято решение не предавать огласке все эти некрасивые акты внутрипартийной борьбы⁹.

Исследования позволяют опровергнуть утверждения Семёнова и обвинения на процессе о том, что покушение Каплан явилось делом Центрального боевого летучего отряда ЦК ПСР, что она входила в этот отряд, который получил официальный статус и санкцию на подготовку и проведение партийных терактов. Хотя покушение и было совершено при участии группы Семёнова, но его участники действовали вопреки решениям февральского пленума ЦК (1918).

Исследуя вопрос о связи тех или иных сил и фигур с покушением на Ленина, я пришёл к выводу, что следует вернуться к дальнейшей проработке версии о некоторой причастности к нему Б.В. Савинкова и его «Союза защиты родины и свободы» (СЗРиС), выдвинутой подсудимыми первой группы на процессе 1922 г.¹⁰ Впоследствии эта версия исследователями не рассматривалась и упоминалась лишь вскользь¹¹.

Вопрос об отношениях таких, на первый взгляд, весьма далёких друг от друга фигур, как Савинков и Семёнов, крайне существенен для понимания многих загадок и неясностей, которыми изобилует тема покушения на Ленина, а также для прояснения проблемы причастности и ответственности за него. Поэтому я попытаюсь разобраться в связях этих двух лиц и в том, почему оба приписали планы покушений на Ленина и Троцкого и покушение Каплан своим организациям.

Впервые публично Савинков заявил об этом в очередной части мемуарного очерка «*Les souvenirs de Boris Savinkoff*», опубликованной 27 августа 1919 г. в парижской газете «*Le Matin*». Он рассказал о планах СЗРиС — среди которых были убийства Ленина и Троцкого летом 1918 г.: «*Ce plan ne réussit q'en partie. L'attentat contre Trotsky échoua. L'attentat contre Lenin réussit a moitié. Dora Kaplan, fusillée par la suite, blessa Lenine*»¹² («Этот план удался лишь частично. Покушение на Троцкого сорвалось. Покушение на Ленина удалось наполовину. Дора Каплан, впоследствии расстрелянная, ранила Ленина»). 23 сентября 1919 г. «Известия ВЦИК» в разделе «Иностранная жизнь» опубликовали заметку

⁹ Там же, т. 95, л. 110.

¹⁰ См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. Февраль—октябрь 1917 г. М., 2000. С. 885—886.

¹¹ Я.В. Леонтьев в краткой энциклопедической статье о Каплан написал: «Вступила в контакт с руководителем Боевого отряда партии с.-р. Г.И. Семёновым, связанным также с савинковцами» (Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX в. М., 1996. С. 271).

¹² *Savinkoff B. Les souvenirs de Boris Savinkoff // Le Matin (Paris). 1919. 27 Août.*

«Маски сброшены», в которой давался перевод небольшого фрагмента этого текста: «В парижском “Матэн” Савинков печатает воспоминания о своей борьбе против большевизма. План вооружённого восстания, выработанный в июне прошлого года, он описывает следующим образом: “Имелось в виду убить Ленина и Троцкого в Москве и с этой целью было установлено наблюдение за всеми их передвижениями... Покушение на Троцкого не удалось. Покушение на Ленина удалось лишь наполовину: он был ранен, но не убит”»¹³.

Сравнение этих материалов показывает — большевистские власти удалили имя Каплан (Дора — её партийный псевдоним)! Причём весь остальной фрагмент переведён достаточно точно. Кто принимал решение об этом? Неизвестно. Почему убрали её имя? Представляется, для того чтобы не признаваться, что в начале сентября 1918 г., объявив её членом ПСР, по поручению ЦК которой она якобы совершила это покушение, и обрушив на эсеров проклятия и репрессии, власти прекратили следствие и расстреляли её сугубо из «политической целесообразности»: необходимости «повесить» акцию на эсеров и самарский Комуч — своих главных противников в тот момент. Более того, Я.М. Свердлов и другие сторонники «жёсткой линии» воспользовались событием для объявления и легитимации широкомасштабного «красного террора».

В 1920 г. Савинков опубликовал мемуарный очерк уже по-русски¹⁴. Вспоминая о деятельности СЗРиС в Москве весной—летом 1918 г., он перечислил руководителей всех его структур и отделов, упомянув, что «начальником террористического отдела [был] Х., социалист-революционер»¹⁵. В «Le Matin» этот фрагмент был опубликован 26 августа 1919 г. и совпал дословно. В «Известия» он (как и остальные 99% мемуарного очерка Савинкова) не попал. О планах на лето 1918 г. Савинков писал: «В июне был выработан окончательный план вооружённого выступления. Предполагалось в Москве убить Ленина и Троцкого, и для этой цели было установлено за ними обоими наблюдение... План этот удался только отчасти. Покушение на Троцкого не удалось. Покушение на Ленина удалось лишь наполовину: Дора Каплан, ныне расстрелянная, ранила Ленина, но не убила»¹⁶.

Итак, какие выводы можно сделать из этих воспоминаний? И насколько им можно доверять? Сразу отмечу, что само существование структуры сомнений не вызывает. Член штаба СЗРиС А.А. Дикгоф-Деренталь в статье, опубликованной по горячим следам событий в екатеринбургской газете «Отечественные ведомости» от 24 ноября 1918 г., упомянул о «террористическом отряде» Союза¹⁷. Кроме того, есть свидетельство члена савинковской организации капитана В.Ф. Клементьева: «Примерно в то же время приступили к формированию террористического отряда. Возглавил его старый соратник Савинкова по эсеровской боевой организации (БО). Я его встречал раза два-три в лечебнице. Звали его Николаем Николаевичем. О работе этого отдела я ничего не знаю, так как в начале мая я перешел в иногородний отдел, переселился из лечебницы в Пуговишников переулок и стал эмиссаром южного района организации — Тула,

¹³ Маски сброшены // Известия. 1919. 23 сентября. С. 2.

¹⁴ Савинков Б.В. Борьба с большевиками. Варшава, 1920.

¹⁵ Савинков Б.В. Борьба с большевиками // Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М., 2006. С. 407.

¹⁶ Там же. С. 407, 412—413.

¹⁷ Красная книга ВЧК. Т. 1. М., 1989. С. 33—34.

Калуга, Вязьма»¹⁸. Кто же это был? Прав ли член ЦК ПСР М.Я. Гендельман, который в своей «защитительной речи» от имени первой группы подсудимых в конце процесса 1922 г. прямо указал на связь Семёнова и Савинкова и на то, что первый и был тем самым «с.-р. Х»¹⁹, а следовательно и «Николаем Николаевичем»? Отмечу, что Гендельман положительно ответил и на другой вопрос — о тождественности террористического отряда/отдела СЗРиС и боевой группы Семёнова.

Мне представляется, что, вероятнее всего, «Николай Николаевич» это Б.Н. Моисеенко. В пользу этого говорят свидетельства капитана В.Ф. Клементьева и члена Военной комиссии ПСР И.С. Дашевского. Моисеенко был старым соратником Савинкова по БО, а также видным членом Союза Возрождения, занимал более правые позиции и вполне мог скрыть от ЦК ПСР своё сотрудничество с СЗРиС. Кроме того, практически возможной эту комбинацию делает и то, что Моисеенко весной и в начале лета 1918 г. находился в Москве и как член Военной комиссии ПСР поддерживал связи с Союзом Возрождения и с савинковской организацией.

Мог ли террористический отдел СЗРиС возглавлять Семёнов? Отмечу, что он не являлся старым соратником Савинкова по БО ПСР и весной 1918 г. находился в Петрограде. В Москве он появился вскоре после убийства В. Володарского (конец июня — начало июля). Приблизительно в это время Моисеенко уехал на восток, а Савинков, по его словам, «в конце июня выехал из Москвы в Рыбинск». Кроме того, усомниться в том, что «Х» это Семёнов, заставляют два документа, которые Савинков не предал гласности и которые заставляют взглянуть на эту ситуацию иначе. В краткой автобиографии, написанной в качестве председателя Русского эвакуационного комитета, он вспоминал о событиях весны—лета 1918 г.: «Я был также в связи с террористической группой, которая произвела покушение на Ленина»²⁰. Характер и детали этой связи он не прояснил. И если из опубликованных в «Le Matin» воспоминаний и из варшавской брошюры 1920 г. ещё можно сделать вывод, что акция Каплан являлась частью плана СЗРиС, то из этой фразы видно, что покушение совершено лишь группой, с которой Савинков имел связь. Но может ли входить в понятие «связи» факт аффилиации этой группы с СЗРиС и то, что руководителем террористического отдела последнего являлся Семёнов? В брошюре «Борьба с большевиками» Савинков писал, что именно члены его Союза готовили покушение на Ленина и Троцкого. Сомнительно, чтобы такой опытный террорист отдал руководство террористическим отделом ничего из себя не представлявшему Семёнову, с которым был знаком шапочно. Требуется дополнительное исследование.

В другом небольшом рукописном мемуарном тексте, который архивистами датируется, предположительно, 1919 г., Савинков утверждал: «Кроме того, отчасти силами партии социалистов-революционеров, отчасти же силами “[Союза] защиты родины и свободы” была открыта террористическая борьба против правительства Ленина и Троцкого. Были ранены Ленин и Зиновьев и были убиты Володарский и Урицкий»²¹. Этот документ можно читать двояко. В нём

¹⁸ Клементьев В.Ф. В большевицкой Москве. М., 1998. С. 122.

¹⁹ Цит. по: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. С. 885—886.

²⁰ См.: Три брата (То, что было). Сборник документов / Сост., авт. предисл. и коммент. К.Н. Морозов, А.Ю. Морозова. М., 2019. С. 398.

²¹ Там же. С. 421.

утверждается, что в борьбе против большевиков участвовали обе силы — и партия эсеров, и СЗРиС. Но непонятно, как они действовали — порознь или вместе, — и кто за какое покушение несёт ответственность. Или Савинков имел в виду, что обе силы, будучи «в связи», причастны ко всем четырём покушениям? Вопрос остаётся открытым.

Однако более важен другой вопрос: не приписал ли Савинков покушение своей организации? С одной стороны, Савинков использовал достаточно обтекаемые формулировки. С другой, — представляется, что он мог опасаться уличения в публичной лжи и присвоении террористического акта. К тому же характерные для него осторожность и шепетильность в подобных вопросах отчасти свидетельствуют в пользу того, что он имел основания для своих заявлений. Наконец, о покушении на Троцкого он мог знать, только будучи посвящён в эти планы.

Что же могло связывать Савинкова и Каплан? Семёнов на процессе 1922 г. говорил: «У неё было профессиональное свидание с Савинковым. Я помню её слова, что по приезде в Москву она виделась с ответственными работниками, состоявшими и в партии, и вне партии, в частности, виделась с Павловым, Вольским и Савинковым»²². Но не лжесвидетельствовал ли он по каким-то собственным соображениям? Это вполне возможно, так как его неоднократно ловили на лжи. С другой стороны, Каплан действительно вела со многими революционерами разговоры о желании совершить покушение на Ленина. В этом контексте важно свидетельство профессора М.Ю. Урнова, рассказавшего мне, что его дед В.Е. Урнов (член ПСР и председатель Совета солдатских депутатов Москвы в 1917—1918 гг.) говорил близкому родственнику, будто знал о готовящейся акции, и показывал дом, из которого его друг, эсер-максималист Н.В. Шубников, посылал Каплан стрелять в Ленина. Не вдаваясь в обсуждение того, что Шубников, скорее всего, не «посылал», а «проводил» её на покушение (впрочем, и эта версия требует исследования), это свидетельство подтверждает, что она делилась намерениями. Кроме того, до сих пор довлеет миф о Каплан как юродивой и великой неудачнице, который мешает оценить её адекватно. Причём то, что это «старо-новый» миф, а реальный образ — иной, становится ясно только после многих лет поисков информации.

Ценнейшие свидетельства о настроениях и намерениях Каплан накануне покушения (29 августа) содержатся в письме А.Н. Иоффе (меньшевика и бундовца, в 1918 г. возглавлявшего меньшевистскую фракцию Петросовета), отосланном им в «Известия ВЦИК» 18 апреля 1922 г. из Варшавы, где он жил в то время. В РСФСР письмо опубликовано не было и увидело свет 11 мая в эсеровской эмигрантской газете «Голос России» под заголовком «К покушению на Ленина»²³. Оно ценно двумя вещами. Во-первых, до того в нашем распоряжении имелись только протоколы допросов Каплан (большую часть из которых она не подписала, что заставляет задуматься о степени их достоверности). Теперь же нам доступны её прямые слова о настроениях и мотивах покушения на Ленина. Впрочем, строго говоря, это вообще единственное свидетельство, которое передаёт прямую речь Каплан, рисует её образ, и образ этот — вовсе не юродивой неудачницы, а революционерки, апеллирующей к старым традициям и ценностям «тираноборства». И, наверное, вовсе не случайно, что Иоффе, пе-

²² ЦА ФСБ РФ, ф. Н-1789, т. 32, л. 517.

²³ К покушению на Ленина // Голос России (Берлин). 1922. 11 мая. С. 4. Подробнее см.: Морозов К.Н. «Я не Шарлотта Корде, но жить без действия надоело»...

редавая эти пафос и категоричность, даже не попытался объяснить её поступки ненормальностью и юродивостью. Во-вторых, оно ещё раз свидетельствует, что Каплан в тот момент была вне партий и организаций анархистов и эсеров. Собственно говоря, по этим причинам «Известия» и не опубликовали данную мемуарную зарисовку.

Иоффе сделал важный вывод, с которым совпадают результаты моих исследований: «При таких обстоятельствах, когда на наших, так сказать, глазах назревало единоличное решение Ройд-Каплан на свой собственный риск, по своей личной инициативе, при заведомо для неё отрицательном отношении к этому со стороны правых эсеров и левых эсеров — для нас было полной неожиданностью прочесть через несколько дней, как в правительственном сообщении, так и в статьях “Известий” и “Правды”, ссылки на партию правых с-р и на то, что стрелявшая — правая эсерка... Но тогда, по условиям нашего заключения, огласить эти подробности было невозможно»²⁴.

Но встречался ли Савинков с Каплан, как об этом свидетельствовали Семёнов и Дашевский на процессе 1922 г.? Других свидетельств об этом нет, но внимание привлекает следующая история. На предварительном следствии, а затем и на процессе Дашевский утверждал, что именно он познакомил Каплан и Семёнова, узнав случайно, что она встречалась с Савинковым на предмет совершения покушения на Ленина. После встречи Дашевского и Каплан с Семёновым последний взял её в свою группу. Но выяснилось, что Дашевский не смог вспомнить, кто его познакомил с Каплан. Кроме того, во время подробных расспросов Дашевского подсудимыми первой группы С.В. Морозовым, Г.Л. Горьковым и Е.М. Ратнер, работавшими в 1918 г. в Москве, у них появились сомнения и по поводу обстоятельств описанной Дашевским встречи на одной из московских явок, где она, по его словам, работала, и по поводу самого факта знакомства Дашевского с Каплан, так как он не смог описать её внешность. Ратнер заявила Дашевскому: «Я имею основание подозревать то, что Вы путаете её с другим лицом». Она просила приобщить к делу картотеку посещений иногородней комиссии ЦК ПСР, в которой Дашевский якобы и познакомился с Каплан, для доказательства того, что его слова — вымысел²⁵.

Риску предположить, что это действительно выдумка. Обвинению и Дашевскому она понадобилась, чтобы уйти от вопроса, кто же познакомил Семёнова и Каплан. Представляется, что это был Савинков, который «имел связь» с группой Семёнова. А кто вывел Каплан на глубоко законспирированного Савинкова? Возможно — Б.Н. Моисеенко. Он был лично знаком не только с Савинковым, но, скорее всего, и с Каплан — по Мальцевской каторжной тюрьме, рядом с которой он жил в 1907—1908 гг., когда там отбывала наказание его жена М.А. Беневская. Важно то, что Моисеенко весной и в начале лета 1918 г. курировал работу военной комиссии ЦК ПСР в Москве (а Семёнов — в Петрограде). Кроме того, он встречался с Савинковым и вёл с ним переговоры от имени ПСР. В целом связь Савинкова и Семёнова в 1918 г. несомненна (Савинков неслучайно писал, что имел связь с группой террористов, подготовивших покушение на Ленина и Троцкого), но вот характер и формы её требуют исследования.

Семёнова некоторые исследователи называли «Азеф второй» — и это, на мой взгляд, точнее, чем «Человек революционной эпохи». Впрочем, его нельзя

²⁴ Цит. по: *Морозов К.Н.* «Я не Шарлотта Корде, но жить без действия надоело»... С. 354.

²⁵ ЦА ФСБ РФ, ф. Н-1789, т. 33, л. 333, 339.

отнести к простым платным секретным сотрудникам. Он поменял много ролей: анархиста, эсера, террориста, сотрудника разведуправления Красной армии, ключевой фигуры обвинения на процессе над ПСР, специалиста по промышленному шпионажу, организатора диверсионной и партизанской борьбы в Испании и т.п. Главными чертами его характера, как представляется, являлись авантюризм и аморальность. В сентябре 1918 г. он был арестован «военным контролем» 40-й армии за принадлежность к военной организации ПСР. За 9 месяцев пребывания в тюрьме он, по собственным словам, осознал неправильность борьбы с большевиками. В 1919 г. его зачислили в штат разведуправления РККА. Впрочем, хотя сам он считал себя работающим в военной разведке, ГРУ Генштаба Министерства обороны СССР в справке 1957 г. отмечало, что в 1919—1921 гг. он «работал по линии ОГПУ»²⁶. Но верно ли последнее утверждение? Из показаний самого Семёнова и И.Т. Смилги на процессе 1922 г. видно, что летом 1920 г. Семёнова отозвало из Одессы Центральное бюро МПСР²⁷, которое откомандировало его в распоряжение Реввоенсовета Западного фронта. Член РВС Смилга переадресовал его к начальнику Отделения военной разведывательной работы А.А. Мазалову. Последний, выступавший на процессе 1922 г. в качестве свидетеля, показал, что Семёнов был отправлен им через фронт с двумя задачами — вести подрывную работу в тылу польской армии и выяснить принципы работы организации Савинкова.

Семёнов оказался схвачен польскими властями и препровождён в Варшавскую цитадель, куда по его просьбе приехал Савинков, ходатайствовавший затем перед поляками о его освобождении. После этого Семёнов вернулся в Москву, где встречался с Ф.Э. Дзержинским. Последний отправил Ленину и Троцкому для ознакомления его донесение, где шла речь о договорённости с Савинковым об организации покушения на советских лидеров²⁸. Туманность и странность отношений с Савинковым, а позже общение с Дзержинским настолько не понравились членам МПСР, что было назначено партийное следствие, закончившееся исключением Семёнова.

В отчёте о командировке в Польшу Семёнов писал: «Я решил прибегнуть к плану, мною намеченному ещё до отправки на работу и своевременно изложенному товарищу Верховскому: воспользовавшись старым знакомством с Савинковым, заявить, что цель моей поездки в Варшаву — получить [при] непосредственной его помощи техническую подготовку и средства для организации террористических актов на членов Советского правительства. Согласно моему указанию на Савинкова он был вызван на очную ставку со мною и после продолжительной беседы дал письменное ручательство за мою лояльность по отношению к польскому правительству. В силу этого ручательства 24-го сентября я был освобождён». Далее сообщалось «о тех террористических поручениях, которые Савинков дал Семёнову для совершения актов против советских вождей и о полученных им от Савинкова 100 000 руб. царскими деньгами и обеспечении дальнейшей денежной помощью»²⁹. Следует отметить, что под фами-

²⁶ См.: *Журавлёв С.В.* Человек революционной эпохи... С. 91.

²⁷ «Меньшинство партии социалистов-революционеров» — организация, возникшая из группы «Народ» в 1919 г., считавшая необходимым в борьбе с белогвардейцами блокироваться с большевиками и отказавшаяся от идеи Учредительного собрания.

²⁸ См. также: *Журавлёв С.В.* Человек революционной эпохи... С. 92; *Войтинский В.* Суд над социалистами-революционерами в Москве // Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин, 1922. С. 32—33.

²⁹ ЦА ФСБ РФ, ф. Н-1789, т. 118, л. 150—153.

лией «Верховский» действовал начальник агентурного отдела политотдела Западного фронта, позднее — начальник Регистрационного управления Западного фронта А.К. Сташевский (настоящая фамилия — Гиршфельд).

В фонде Дзержинского, хранящемся в РГАСПИ, удалось обнаружить копию одной из «докладных записок Семёнова», относящуюся, судя по всему, к началу 1921 г., на которой имеется резолюция: «г. Дерибасу. После прочтения прошу мне вернуть». В этой записке Семёнов, в частности, писал: «Что касается террористических планов Савинкова, то по создавшимся у меня впечатлениям, до сих пор единственным практическим начинанием была работа, порученная мне. По моим сведениям, в Пиротехнической школе, помимо меня и тов. Наташи³⁰, ни до моего приезда и ни после никто не обучался. Моей же террористической работе Савинков придавал большое значение, для организации её мне была выдана сумма в 100 тыс. царскими деньгами и обеспечена дальнейшая денежная помощь через агента в Гельсингфорсе»³¹.

В рапорте «на имя члена Реввоенсовета Запфронта, датированном 2 декабря 1920 г. и подписанном ответственным руководителем НВО (Нелегальной военной организации. — К.М.) Верховским», указывалось, что последний, узнав от Семёнова, «что он лично хорошо знаком с Савинковым» и что Савинков вряд ли знает о его переходе в МПСР, «указал Семёнову, чтобы он для обеспечения себе возможности легальной работы в Варшаве и получения взрывчатых веществ и других материалов постарался втесаться в доверие к Савинкову, это даст ему возможность проникнуть, куда нужно будет. Чтобы получить его доверие, Семёнов должен был предложить свои услуги Савинкову произвести террористические покушения на разных наших руководителей»³². Верховским и Семёновым был также разработан хитроумный план по компрометации Савинкова в глазах польских властей, который, впрочем, не реализовался³³.

Далее история делает неожиданный зигзаг: ВЧК, которая, судя по всему, не была в курсе комбинации военной разведки, вдруг окольными путями³⁴ получила информацию о подготовке Семёновым и Савинковым терактов против советских руководителей. Напуганные рассказом первого, чекисты, очевидно, решили, что Савинков или вступил в сговор с эсерами и ведёт с ними совместную борьбу, или тайно манипулирует эсеровским подпольем в ситуации, когда ЦК ПСР в результате преследований и арестов потерял управление им. Это прямо следует из рассказа Н.И. Артемьева о содержании разговоров Дзержинского в тюрьме, куда он явился, с верхушкой эсеровского ЦК. Похоже, поэтому 30 ноября 1920 г. и появилось правительственное сообщение о том,

³⁰ По всей видимости, Наталья Богданова — жена Семёнова, отправленная вместе с ним в Польшу.

³¹ РГАСПИ, ф. 76, оп. 3, д. 226, л. 8 об.

³² ЦА ФСБ РФ, ф. Н-1789, т. 118, л. 150—153.

³³ См.: Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922—1926): этика и тактика противоборства. М., 2005. С. 165—166.

³⁴ По сведениям эсеров, информация к руководству РКП(б) и ВЧК пришла от польских коммунистов. Так, один из обвиняемых по процессу чекистов (подписался «М.») писал 20 мая 1922 г. В.М. Чернову: «Почему у Вас нет материала о Семёнове, что он в бытность в Польше вошёл в сношения с Савинковым, предложил свои услуги для боевых дел, устраивал там динамитные мастерские и готовил группы для террористической борьбы с большевиками. Всё это стало известно польским коммунистам, и они известили советскую власть о готовящихся покушениях. Это сообщение вызвало большой переполох в Москве, нас чекистов экстренно перевезли из Ярославля в конце 1920 г. в Москву и оставили заложниками, предположив, что это эсеровское дело» (Цит. по: Морозов К.Н. Судебный процесс... С. 166).

что эсеры вместе с Савинковым и Мильераном готовятся использовать индивидуальный террор против большевистских лидеров, и объявившее членов эсеровского ЦК заложниками.

Вопрос, который неизбежно приходит в голову и который неоднократно задавали на процессе с.-р. 1922 г. самому Семёнову: почему же Савинков в 1920 г. настолько поверил ему, что организовал освобождение из варшавской цитадели, а главное — отправил в Москву с заданием организовать убийства советских лидеров? Достаточно ли было для этого лишь их шапочного знакомства в эмиграции и в 1917 г., когда они пересекались в Петрограде (в Военной комиссии Петроградского бюро ЦК ПСР) и дважды на фронте, как утверждал Семёнов? Сам факт их знакомства сомнений не вызывает. Ведь Семёнов, помимо работы в комиссии, был комиссаром 9-й армии, комиссаром 3-го конного корпуса и помощником комиссара Румынского фронта, а Савинков — комиссаром 7-й армии, а затем комиссаром Юго-Западного фронта. По словам Семёнова, Савинков приходил к нему в комиссию по партийной линии как вступивший во фронтовую организацию ПСР. Но ни членство в Военкомиссии, ни исполнение обязанностей военного комиссара вовсе не свидетельствуют о способности человека к такой в высшей степени специфической деятельности, как террористическая.

Примечательно, что на процессе с.-р. Семёнов не смог вразумительно ответить на вопрос члена ЦК ПСР М.А. Лихача о разговорах с Савинковым о покушениях на большевистских лидеров. Из его ответов можно было бы сделать вывод, что в 1918 г. он действовал по указаниям не столько руководства партии эсеров, сколько Савинкова. После прямого вопроса Лихача («Савинков мог приписывать себе безымянный акт, который был всем известен, и о котором публиковала, вероятно, вся пресса, — покушение Фанни Каплан на Ленина, — но каким образом... мог знать Савинков то, о чём никто не знал, что одновременно с покушением на Ленина, или в один и тот же период, происходило покушение на Троцкого и что это покушение было неудачно и ни к чему не привело?») председатель суда Г.Л. Пятаков прервал допрос и стал уводить обсуждение в сторону³⁵. Подобную же позицию занял и прокурор Н.В. Крыленко³⁶. Они понимали, что признание связи Семёнова с Савинковым может привести к тому, что в первом все увидят (пусть и ошибочно) того самого «с.-р. Х», руководившего террористическим отделом СЗРиС. И это развалит всё обвинение, так как Семёнову не будет уже веры как двурушнику, а ПСР предстанет жертвой хитрой и дурно пахнувшей махинации.

Тему террористической деятельности СЗРиС на предварительном следствии и на судебном процессе над Савинковым в августе 1924 г. всячески обходили. Но так как замолчать её было нельзя, в первый же день процесса, 27 августа 1924 г., Савинков заявил: «В 1918 г. предполагались покушения на Ленина и Троцкого. Но делалось очень мало... К делу Доры Каплан наш Союз не имел никакого отношения. Я знал, что эс-эры что-то делают, но что именно делают, этого я не знал». Председательствующий В.В. Ульрих зачитал фразу Савинкова о том, что план удался только отчасти, что покушение Каплан удалось лишь наполовину, и спросил: «Как понять эту фразу?» Он ответил: «Это — неудачная фраза. Вы знаете не хуже меня, что в покушении Доры Каплан на Ленина мы не принимали никакого участия. В этой брошюре, которая была

³⁵ Там же, т. 32, л. 520—521, 523—524.

³⁶ Там же, л. 644—646.

предназначена для широкого распространения, я описал правду, но не с такой точностью, с какой говорю вам»³⁷. Эти слова не вызывают доверия и трудно допустить легковерие судей (а до этого, на следствии, чекистов), которые не стали даже задавать дополнительных вопросов. Естественно, что после того, как на процессе 1922 г. следствие и обвинение проигнорировали свидетельства из брошюры Савинкова и его явную причастность к этому делу, обвинив во всем партию эсеров, им ничего не оставалось делать, как сохранять хорошую мину при плохой игре и не интересоваться такими «пустяками», как террористические планы СЗРиС против большевистских лидеров.

Оценивая проблему причастности Савинкова к покушениям на лидеров РКП(б), можно сделать ряд предварительных выводов. Подготовка к покушениям Савинковым и его людьми велась, террористические группы и существование террористического отдела СЗРиС — не вымысел. Представляется, что на следствии и суде 1924 г. Савинков преуменьшал деятельность этих структур, не дав по ним никакой информации. Но было бы опрометчивым считать, что его высказывания в «Le Matin» и в варшавской брошюре, а также записи в непубличных документах — всего лишь хвостовство. Вне всякого сомнения, он был склонен «набивать себе цену» в качестве сторонника решительной борьбы с большевизмом. Но и рисковать репутацией, опускаясь до прямой лжи, особенно в таком вопросе, как присвоение чужого террористического акта, вряд ли стал бы. Думается, что отбрасывать свидетельства Савинкова нельзя. То, что сегодня, на нашем уровне знаний и доступа к архивной информации, мы не видим всей картины, должно служить стимулом для дальнейших поисков с целью её восстановления.

Безусловно, покушение на Ленина имело серьёзные политические и исторические последствия. С одной стороны, произошла консолидация вокруг раненого лидера его партии и части народа, поддерживавшей её, а также усиление позиций большевиков и укрепление их морального духа и воли к победе. С другой стороны, оно послужило для сторонников жёсткой линии удобным поводом к объявлению красного террора и позволило морально и политически обосновать этот шаг. И хотя, по мнению немалого количества современников, а также историков, красный террор начался значительно раньше, пропаганде и советской исторической науке удалось закрепить в массовом сознании, что он стартовал лишь после актов «белого террора» и начался именно вследствие них. Всё это в совокупности повлияло на дальнейшее ожесточение Гражданской войны и её исход в пользу большевиков, которые активно использовали покушения для дискредитации «врагов, наносящих удар из-за угла», и возбуждения против них ненависти, героизации и сакрализации вождя (вождей) и своего дела, для сплочения вокруг них масс. В целом, произошло ровно то, о чём предупреждали противники террора — как, например, Е.М. Ратнер, которая ещё на IV съезде ПСР воскликнула: мы «не должны выносить грозных слов о казни того или другого, ибо можем окружить Ленина ореолом мученичества, не создав ничего»³⁸.

Представляется, что террористическая тактика принесла ПСР как массовой социалистической партии значительно больше вреда и проблем, чем пользы (и в дореволюционный период, и в 1918 г.).

---

³⁷ Дело Савинкова. Л., 1924. С. 53—54.

³⁸ ЦА ФСБ РФ, ф. Н-1789, т. 69, л. 184.